«Утверждаю»

Ректор Воронежского
Государственного университета
профессор Д.А. Ендовицкий

05.09.2018г.

ОТЗЫВ

**ведущей организации ФГБОУ ВО
«Воронежский государственный университет»
о диссертации Ольги Михайловой Валовой
«Эстетико-философская проблематика
драматургии Оскара Уайльда», представленной на соискание ученой
степени доктора филологических наук по специальности:
10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(английская литература)**

Диссертация посвящена многократно изучавшейся, но так и не получившей полного освещения эпохе рубежа XIX-XX веков и автору, о котором тоже немало сказано в отечественной и мировой критике, но который сих пор во многом остается предметом дискуссий, – английскому писателю Оскару Уайльду.

Новизна и актуальность исследования, как это справедливо подчеркивает и сама соискательница, обусловлены ее обращением к драматургии Уайльда, в последние тридцать лет несколько забытой, а главное – до сих пор до конца не рассмотренной с точки зрения отраженных в ней философских идей. Да и преимущественное внимание ученых к эстетическим взглядам автора нуждается в уточнении и дополнительных наблюдениях.

Объектом исследования являются широко известные комедии автора – от «Веера леди Уиндермир» (1892) до «Как важно быть серьезным» (1895); среди трагедий – знаменитая «Саломея» (1892) и менее, а то и достаточно бегло рассмотренные «Вера, или Нигилисты» (1880), «Герцогиня Падуанская» (1883). К оценке привлекаются также незавершенные тексты, которые были частично утрачены после судебного процесса и распродажи имущества писателя, и

произведения, сохранившиеся в отрывках: «Флорентинская трагедия» (ок. 1894), «Святая блудница, или Женщина, осыпанная драгоценностями» (ок. 1894). И, естественно, в качестве фона – остальное разнообразное творчество Уайльда: трактаты, критические эссе, письма и воспоминания, устные рассказы писателя, оставшиеся в памяти его современников.

Производит впечатление придающий работе масштабность огромный контекст, состоящий из разнообразных историко-литературных, историко-философских, историко-культурных явлений, – контекст, в который погружаются, с которым взаимодействуют размышления диссертантки об анализируемых произведениях. Внушительный по объему материал составляет содержание четырех глав, либо сосредоточенных непосредственно на теоретических проблемах (первая и третья главы), либо, при сохранении теоретического аспекта, обращенных к анализу самих художественных произведений (комедий, трагедий – с точки зрения их проблематики, соотношения с запросами времени, жанрового своеобразия). Среди наиболее ярких, отражающих пристальную работу О.М. Валовой с текстом, – раздел четвертой главы, посвященный трагедии «Саломея», а также исчерпывающий анализ комедии «Как важно быть серьезным», снимающий прежнюю, упрощенную трактовку произведения.

Но главное в другом. **Ощутимой и впечатляющей** предстает в раскрытии философской и эстетической позиции писателя попытка **подчеркнуто нового подхода** к наследию писателя и его личности. Диссертантка ссылается на письмо Уайльда к Эдмону Гонкуру, где содержится его высказывание о некой силе, которая царит над миром и над каждым человеком и которую, стремясь передать мысль английского писателя, О.М. Валова обозначает как *нереальное.* Оно правит сущим не рассудочным путем, оно связано не с действием и деятельностью, а с духовным, эмоциональным миром людей, с иррациональным началом в жизни. Поэтому *нереальное* можно только ощутить.

Об этом говорится уже во вступлении, а саму цитату из письма Гонкуру от 17 декабря 1891 года, французский оригинал, диссертантка приводит на 47 странице работы в первой главе: «la Philosophie de l'Irrealité». Именно эту

философию Уайльд называет в указанном письме основой своей интеллектуальной эстетики. Обозначенная «философия нереального» и ставится во главу угла в рассматриваемой работе, хотя О.М. Валова признается, что мы чрезвычайно мало знаем о том, какой смысл в его предельной конкретности сам писатель вкладывал в свою формулировку. Вместе с тем налицо стремление соискательницы выявить эту конкретность – либо от противного, либо по аналогии. Так, в работе ощутима тема американского менталитета, трактуемого преимущественно негативно за рассудочность, прагматизм, сосредоточенность на повседневности, на материальном интересе. Признавая некоторые преимущества семейного уклада в США, Уайльд в то же время стремится представить идеалы американского общества как сгущенное выражение того, что все больше угрожает Европе на рубеже веков, а конкретно – свободе духа, внутренней жизни личности, искусству и красоте.

В поисках аналогий О.М. Валова приводит важное для нее высказывание Н. Бердяева, различающего две «реальности», вторая из которых, в отличие от мира физического, органического, социального, ориентирована на истину, добро, красоту и т. п., то есть «относится к духу, духовной действительности». То, что Бердяев именует второй реальностью, делает вывод О.М. Валова, – и «является материалом уайльдовской философии нереального» (с. 54).

Вполне органично, в соответствии с задачами исследования, соискательница обращается к «философскому образованию» своего героя, естественно начиная с античности, выявляя, какие идеи Платона и Аристотеля способствовали зарождению философии нереального или изначально ей противоречили. При этом О.М. Валова останавливается на игнорировавшихся у нас ранее проблемах эротики и сексуальной ориентации, присутствовавших, например, в работах античных философов и потом, по-своему, у Шопенгауэра. Уайльд мимо этого пройти не мог. При формировании философии нереального, доказывает диссертантка, активную роль сыграло знакомство английского писателя с размышлениями древнекитайского мыслителя Чжуан-цзы, с которым он разделал представление о том, что жизненной целью является освобождение

личности от собственного *я* и превращение ее в **бессознательного исполнителя высшей воли** (выделено нами. – С.Ф.), что целью является не действие, а созерцание жизни, а также идеал самосовершенствования и саморазвития личности (с. 64)

Отдельные разделы посвящены восприятию Уайльдом немецкой идеалистической философии в ее классическом варианте (Кант, Гегель) и сменившей его ориентации на интуицию, на иррациональное у Шопенгауэра, Ницше, Бергсона, русских мыслителей. При характеристике философской и эстетической позиции Уайльда фиксируются уже знакомые мотивы иррационализма, скептического отношения к рассудочному, прагматичному, противопоставление искусства и действительности, обращение поэта к надвременному. Но упомянутый выше разнообразный и пестрый контекст, богатство исторических, литературных, культурных реалий смягчают узнаваемость ряда известных положений, придают им определенную свежесть. Как штрих нового в концепции человека воспринимается подчеркиваемая О.М. Валовой вера Уайльда в большие возможности личности, в ее способность к развитию, духовному обогащению, чему способствует, в трактовке исследовательницы, ставка художника на индивидуализм.

О.М. Валова обращается к проблеме влияния на ее героя – творца и мыслителя – социалистических идей, распространенных в его время, подробно останавливаясь на трактате «Душа человека при социализме» и духовной близости Уайльда и Морриса. К сожалению, последний в его отношении к Средневековью, к индивидуальному труду ремесленника в диссертации получился слишком «узнаваемым» – на уровне сведений из распространенных «Историй английской литературы».

То же можно сказать отчасти и о следующей, второй, главе, где в неизбежном при разговоре о трагедии «Вера, или Нигилисты» обращении к феномену нигилизма, диссертантка многое повторяет, и слишком подробно. Здесь и Тургенев с Базаровым, и Кропоткин, и Степняк-Кравчинский. Историко-

литературный фон, порой заслоняющий сведения о самой трагедии, возможно, лучше было бы в этом случае сократить.

Осмысление философии нереального у Уайльда соискательница стремится осуществить с помощью предлагаемых ею категорий. Это категории «души», «доверия», «влияния», «голоса». Им посвящена третья глава. Правда, вызывает некоторое недоумение, что обращение к названным категориям и их роли, хотя и в обзорном порядке, уже присутствовало в конце первой главы, так что возникает очевидное повторение.

Наиболее значительна противопоставляемая рассудку, служащая утверждению иррационального начала категория «души». «Употребление слова «душа», – пишет О.М. Валова, – в уайльдовских драмах связано с ключевыми моментами, определяющими внутреннее действие, и звучит оно из уст главных героев» (с. 226). На фоне скороговоркой изложенной коллизии «души» и «сердца» (при сопоставлении драматических произведений писателя с его сказками) примечательна трактовка гибели персонажей в трагедии «Саломея» (отчасти и в «Герцогине Падуанской»). Диссертантка считает важным разделить смерти, связанные с пролитием крови, и бескровные – от яда, от щитов, которыми была забита (!) Саломея, усматривая корреляцию между нравственной идентичностью погибших и обстоятельствами их конца. О.М. Валова находит в Священном писании строки о том, что душа всякого тела есть кровь его, что к Господу надо обратиться, разорвав собственное сердце. На основании этого делается вывод, что душа и кровь в представлении драматурга связаны и кровопролитные удары – это знак приобщения к миру божественного. Но как сочетается это весьма ощутимое «материальное» начало со сферой иррационального, бессознательного, от которой неотделима «душа»?

С «душой» соотносится у Уайльда, в трактовке соискательницы, категория «доверия», доверия своему *я* – как спонтанного, неосознанного порыва героя: таковыми могут быть любовь, преданность любимому, самоотверженность (что демонстрируется на примере трагедии «Вера, или Нигилисты»). Доверие неразрывно связано с интуицией, интерес к которой как к основе познания

соискательница справедливо отмечает в философских настроениях рубежа веков. Среди примечательных моментов работы является трактовка имени Веры как *истины,* к чему приходит О.М. Валова в результате пространного этимологического толкования слова «вера» с привлечением фактов из других языков. Прослеживая развитие философской мысли автора, диссертантка выявляет нотки скепсиса со стороны Уайльда в адрес героини – «нигилистки», не способной сопротивляться давлению заговорщиков, поручивших ей убить нового правителя России Алексея, не только страстно любимого девушкой, но и человека благородного, справедливого правителя. Самоубийство Веры, в конечном итоге направившей отравленный кинжал на себя, призвано, по мнению диссертантки, утвердить мысль Уайльда о тщете поступка. Но тогда тщетно и отождествление «веры» и истины, подчеркиваемое в пьесе именем Вера?

Обстоятельно раскрывается при осмыслении философии нереального категория «влияния» одного человека на другого, «влияния» всегда отрицательного. Особенно ярко это демонстрируется О. М. Валовой на примерах воздействия женщины на мужчину. Варианты такого влияния подробно представлены практически во всех произведениях, и в диссертации это доказывается. Соискательница дает пространную характеристику феминизма на рубеже веков и выявляет в целом недоброжелательную реакцию Уайльда на это движение. О.М. Валова улавливает в подтексте у Уайльда отказ от измерения героинь категорией «души». Но вот Гвидо в «Герцогине Падуанской» говорит о совершившей убийство мужа Беатриче, что это сделали ее руки, а душа осталась чиста. Да и леди Чилтерн в «Идеальном муже» душевно привлекательнее своего супруга. Вероятно, дело обстоит сложнее.

Среди наиболее значительных и интересных разделов работы нельзя не выделить посвященный проблеме героя-денди, феномен которого раскрывается с опорой на суждения Ш. Бодлера, Р. Барта, Ю. Лотмана, О. Вайнштейн. О.М. Валова привлекает образы князя Мараловского («Вера, или Нигилисты»), представляющего первую фигуру денди у Уайльда, лорда Дарлингтона («Веер леди Уиндермир»), лорда Иллингворта («Женщина, не стоящая внимания»), лорда

Горинга («Идеальный муж») и, конечно, самого Уайльда, каким он запомнился современникам. Стремясь взглянуть на фигуру денди опять-таки через призму «философии нереального», диссертантка выделяет в нем не только тщательно продуманный внешний вид, но и особый духовный опыт, созерцательность, опору на интуицию в противовес рассудку, внутреннюю свободу. Самое главное, с точки зрения соискательницы, что персонажи-денди у Уайльда предстают своего рода произведениями искусства, а потому их нельзя судить с позиции нравственности, как и книги, которые могут быть лишь хорошо или плохо написанными. Что касается собственно философского аспекта жизненной позиции денди, то суждения О.М. Валовой интересны привлечением идей стоиков, Сенеки.

При характеристике жанрового своеобразия драматических произведений Уайльда в четвертой главе работы параллели с философией нереального можно усмотреть в особенностях внешнего конфликта (отношений героев с обществом) и внутреннего, опять-таки проявляющегося в торжестве иррациональных порывов (Гвидо в «Герцогине Падуанской», Вера в пьесе о нигилистах). В трагедиях развивается тема долга, борения страстей (Саломея и пророк Иоанн). В комедиях в развитии внешнего и внутреннего конфликтов большую роль играет мотив случайности. Проблема последней осмысливается соискательницей наиболее тонко и интересно – с углублением в философскую историю вопроса и с акцентированием бессознательного начала в философии нереального.

Справедливо говоря о сложности постижения этой философии у Уайльда, поскольку он как художник мыслил, прежде всего, не философскими постулатами, а образами, О.М. Валова и сама наиболее убедительна, когда обращается к образам, выразительным деталям в арсенале писателя, их оригинальности и назначении. В этом отношении нельзя не упомянуть такую деталь, как веер, о роли которой в раскрытии психологической ситуации, характеристики героини и ее окружения О.М. Валова пишет с большим мастерством.

Повторим, именно работа со словом, с системой образов в художественных текстах Уайльда, а также умение привлечь большой публицистический материал, осмысление откровенных суждений автора придают необходимую весомость и научную обстоятельность диссертации О.М. Валовой. Но это не исключает и определенных оговорок. Отмеченный выше литературный, историко-культурный контекст нередко несет в себе повторения, предстает излишне многословным. Так, в четвертой главе, прибегая к выявлению в произведениях Уайльда его литературно-критических суждений о современном состоянии английского театра и драмы, диссертантка ощутимо задерживается на обстоятельном описании последних, на сведениях об авторах, содержании написанных ими пьес, развернутом цитировании. Это нередко заслоняет позицию Уайльда, черты которой порой сводятся к напоминанию, короткой констатации.

Есть в работе и другие спорные моменты. При анализе некоторых произведений (скажем, комедии «Женщина, не стоящая внимания») соискательница стремится уверить нас в негативном отношении автора к центральным женским фигурам – миссис Арбетнот, Эстер, аргументируя это тем, что в своих публицистических высказываниях и в других текстах писатель открыто осуждал самоотверженность и сострадание. И отсюда выводится, что для Уайльда соблазненная в юности лордом Иллингвортом, но отвергшая из гордости материальную помощь его родственников мать незаконнорожденного ребенка не может быть положительным персонажем, как и Эстер, преодолевшая благодаря своему доброму сердцу американский пуританизм. И хотя художественная логика, воплощенная в развитии конфликта, в перипетиях, все-таки заставляет диссертантку сделать вывод, что именно Иллингворт оказывается в конечном итоге «не стоящим внимания», она ищет в комедии в первую очередь иллюстрацию названных этических тезисов Уайльда, а также авторской мысли об отрицательном моральном давлении женщин на мужчин (когда миссис Арбетнот не хочет, чтобы ее сын служил под началом предавшего его отца).

Спорным представляется толкование комедии «Идеальный муж», в которой О.М. Валова, подстраивая произведение под свою концепцию, видит «торжество

иррационального» (с. 376). Доказательством она считает, с ее точки зрения внезапное, лишенное логики, грозящее ему страшными последствиями выступление в парламенте сэра Роберта Чилтерна с разоблачением аферы, связанной с постройкой Аргентинского канала, в защиту которого, идя на шантаж, действует безнравственная миссис Чивли. Диссертантка даже соотносит ситуацию – безрассудное решение разрушающего свою карьеру и жизнь высокопоставленного чиновника – с переживаниями отца Брауна у Честертона, когда священник в сложные мгновения «теряет голову», выходя за пределы разумного. Но соискательница странным образом забывает о предыдущих событиях – о разговоре сэра Чилтерна с любимой супругой, которая убеждает его не поддаваться влиянию миссис Чивли и даже написать ей письмо с отказом поддержать эту аферу. Потом, правда, возникает много моментов, когда «идеальный муж» испытывает противоречивые порывы, но игнорировать реакцию сэра Роберта на доводы жены в первом действии и его письмо с отказом в адрес миссис Чивли все-таки нельзя. Иррациональное здесь отнюдь не является ведущим.

Огромный объем исследования приводит к досадным мелочам. Так, на с. 255 герою-денди приписывается «умение ценить обыденность», а потом на с. 260 утверждается, что денди, проявляющий проницательность, тем не менее «очень далек от обыденности».

К более серьезным размышлением подталкивает перевод французского выражения в письме к Э.Гонкуру «la Philosophie de l'Irrealité» как «философия нереального». У Гонкура другая «формулировка»: философия ирреального. На это можно было бы не обращать внимания (тем более, что «ирреальный» действительно можно перевести как «нереальный», «фантастичный», «призрачный»), если бы диссертация писалась в более ранний период. Но сейчас понятие «ирреальность» активно берется на вооружение философами, и привлечь его трактовку в разговоре о философско-эстетической проблематике драматургии О. Уайльда было бы полезно.

Однако сделанные замечания носят дискуссионный характер. Рецензированное исследование является обстоятельной научно-квалификационной работой, углубляющей представления о философско-эстетической ориентации своеобразного и яркого художника мирового значения и о его эпохе.

Докторская диссертация Ольги Михайловны Валовой «Эстетико-философская проблематика драматургии Оскара Уайльда» соответствует обозначенной специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (английская литература). По теме диссертации опубликовано в г. Кирове две монографии, одна, по названию совпадающая с темой исследования, – в 2013 г., другая – в 2000 г. в соавторстве с В.Г. Решетовым «Счастливый принц» и другие сказки об Оскаре Уайльде». В научных журналах и изданиях, определенных ВАК, напечатано 16 статей, а всего – 47, одна за рубежом – European Applied Sciences, 2014.

Автореферат передает содержание текста диссертации.

Полагаем, что диссертационное исследование Ольги Михайловны Валовой «Эстетико-философская проблематика драматургии Оскара Уайльда» полностью соответствует Паспорту заявленной специальности и критериям, указанным в пп. 9-11 и 13-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г., № 842, а его автор заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (английская литература).

Отзыв составлен доктором филологических наук, профессором кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы Филюшкиной Светланой Николаевной.

Отзыв рассмотрен и утвержден на заседании кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «ВГУ» 3 сентября 2018 года (протокол №1). Заседание проводил доктор филологических наук, профессор,

заведующий кафедрой истории и типологии русской и зарубежной литературы Фаустов Андрей Анатольевич.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет».

Адрес: 394006, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1

Телефон и факс: +7 (473) 220–87–55

E-mail: office@main.vsu.ru

Сайт: www.vsu.ru

профессор А. А. Фаустов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ВГУ»)
Подпись Фаустова А.А.
заверяю ведущий специалист
Черноусова 05.09.2018
подпись, расшифровка подписи